

Е.Н. ФЕДОРОВИЧ

ПИАНИСТ НАУМ ШТАРКМАН

12+

Елена Федорович
Пианист Наум Штаркман

«Автор»

1999

Федорович Е. Н.

Пианист Наум Штаркман / Е. Н. Федорович — «Автор», 1999

Книга посвящена жизни и творческому пути пианиста Наума Штаркмана, лауреата Первого международного конкурса им. П.И. Чайковского, Народного артиста России, профессора Московской консерватории. Ученик великого педагога К.Н. Игумнова, Наум Штаркман был любимцем публики в нашей стране и во всем мире. Однако его отношения с советской властью складывались сложно, и судьба его была драматичной. Книга написана во многом со слов самого Н.Л. Штаркмана в результате бесед с ним автора в 1998 году.

© Федорович Е. Н., 1999

© Автор, 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

Существуют периоды в истории, когда в определенный отрезок времени и на ограниченном пространстве происходит всплеск ярчайших достижений в какой-либо области. В России XIX век был таким периодом для писателей, художников, композиторов, а XX век сконцентрировал множество феноменальных музыкантов-исполнителей и педагогов. Поколению, вступающему в активную жизнь сейчас, на рубеже XX и XXI веков, трудно представить, что такие личности, как К.Н.Игумнов, Г.Г.Нейгауз, В.В.Софроницкий, А.Б.Гольденвейзер, С.Е.Фейнберг, Л.Н.Оборин, Э.Г.Гилельс, С.Т.Рихтер, каждый из которых в отдельности составлял музыкальную гордость столетия, в течение многих лет постоянно могли встречаться в стенах Московской консерватории – и это только пианисты! Более того, великие музыканты воспитали целую плеяду учеников – не просто продолжателей традиций, но талантливейших, самобытных и высокопрофессиональных исполнителей и педагогов. В этом ряду на протяжении нескольких десятилетий всеобщее внимание привлекает младший ученик К.Н.Игумнова, выдающийся пианист Наум Штаркман.

Его творческая судьба необычна; наверное, это вообще свойственно судьбам по-настоящему талантливых, “нестандартных” людей. Недостаток информации, отсутствие “шума” вокруг его имени – следствие редкой человеческой скромности, неумения и нежелания себя рекламировать. Но в то же время именно эти качества, неизменно, как у всех больших художников, ощущаемые в глубинном содержательном слое его творчества, привлекают к нему благодарных слушателей. Искусство Штаркмана подлинно; в этом безошибочно убеждается каждый, кому посчастливилось слышать его исполнение. В этом искусстве сочетаются редкий талант, блестящая школа, полный драматизма жизненный путь и человеческое благородство.

Прекрасные традиции, заложенные выдающимися отечественными педагогами-пианистами, позволяют практически всем одаренным молодым музыкантам получить достойное образование. Многие десятки лауреатов поражают слушателей своим мастерством. Однако к сорокалетнему рубежу большинство из них приходит, к сожалению, растерявшими былой авторитет: лишь у немногих на смену обаянию молодости приходит музыкантская зрелость.

И только единицы ведут свой творческий путь по восходящей на протяжении всей жизни. Это те, чьи интеллект и духовная сила оказываются равными их музыкальному таланту.

В этом отношении Наум Штаркман – редкий избранник. В историю исполнительского искусства он войдет не только как один из немногих в XX веке представитель романтического пианизма, но и как пример неуклонного восходящего движения, постижения все новых высот и глубин музыки, как один из тех, благодаря кому мы ощущаем неисчерпаемость искусства.

ГОДЫ УЧЕБЫ

Наум Львович Штаркман родился 28 сентября 1927 года в Житомире. Родители его – Лев Рувимович и Анна Наумовна – не были музыкантами, и раннее проявление музыкальных способностей никак нельзя было отнести на счет окружавшей ребенка среды. Практически единственными источниками музыкальных впечатлений служили радио – черная тарелка-репродуктор – и патефон. Дома не было никаких музыкальных инструментов.

“Так случилось, – вспоминает Наум Львович, – что не родители хотели, чтобы я стал музыкантом, а я просил их, чтобы меня учили музыке. Когда я слушал музыку, у меня всегда были слезы. Я очень хотел учиться”.

Восьми лет он был принят в музыкальную школу-десятилетку при Киевской консерватории. Первым учителем Штаркмана стал Иосиф Давидович Глезер – видный киевский педагог, бывший директором районной музыкальной школы, а впоследствии – директором музыкального училища.

Для серьезных профессиональных занятий музыкой у юного Штаркмана не было условий. Из-за отсутствия дома инструмента он был вынужден заниматься в школе. Жили Штаркманы в комнате общежития при Киевском театральном институте, где работал Лев Рувимович.

Для того чтобы учиться в музыкальной десятилетке, мальчику приходилось ежедневно вставать в шесть часов утра; мама отвозила его в школу, где он занимался с семи до девяти часов – до начала занятий. После уроков, когда одноклассники уходили домой, он занимался еще два-три часа. И, несмотря на столь нелегкие условия, а также на то, что он в детстве часто болел, юный Наум Штаркман очень быстро продвигался вперед в своем музыкальном развитии.

Он всегда стремился выучить больше произведений, чем ему было задано педагогом. Его никогда не заставляли заниматься – ему самому хотелось как можно скорее научиться хорошо играть. Он не играл со сверстниками, не бегал, не гулял... Вспоминая о детстве, он не раз впоследствии задавался вопросом: а было ли оно? Все силы, все время отдавались музыке.

Глезер, несмотря на свою занятость на административной работе, уделял Штаркману больше внимания, чем другим ученикам, справедливо считая юного пианиста подающим наибольшее надежды. В школе обратили внимание на выдающееся дарование ребенка. Он играл на всех школьных концертах, его неизменно показывали приезжавшим в Киев музыкантам. В 11 лет Штаркман впервые сыграл с оркестром Концерт Мендельсона g-moll; выступление имело заслуженный успех.

20 апреля 1940 года в Большом зале Киевской консерватории состоялся первый сольный концерт Наума Штаркмана, учившегося в то время в пятом классе музыкальной школы-десятилетки. Концерт состоял из двух отделений и включал произведения Баха, Скарлатти, Бетховена, Шопена, Шумана, Листа, Рахманинова.

Одновременно с интенсивными занятиями на фортепиано мальчик пробовал сочинять, входил в существовавшую в то время в Киеве группу юных композиторов. Рано и счастливо развившееся музыкальное дарование сулило Штаркману вполне предсказуемое яркое будущее... Но в жизнь всего его поколения жестоко ворвалась война.

Отца Штаркмана мобилизовали 22 июня, и вскоре он погиб под Киевом. Анна Наумовна с сыном долго не могли выехать из Киева, и только 13 августа, перед самым приходом фашистов на последнем товарном поезде покинули город. “Без вещей”, – кратко делится воспоминаниями Наум Львович. Поезд шел под обстрелом, бомбежками. Они ехали месяц – голодные, сами не зная, куда – просто туда, куда их вез поезд.

В Свердловске они вышли из поезда для того, чтобы купить хлеба, и неожиданно встретили эвакуированного ранее И.Д. Глезера. Глезер помог им остаться в Свердловске. Анна Наумовна устроилась рабочей на военном заводе, Штаркмана приняли в музыкальное училище и дали койку в общежитии. Он продолжал, как и в Киеве, заниматься у Глезера, только в еще несравнимо более трудных условиях. В 1943 году в Свердловске открыли музыкальную школу-десятилетку при Уральской консерватории (И.Д. Глезер стал директором десятилетки), и Наум Штаркман продолжил учебу в этой школе.

Среди учеников Свердловской средней специальной музыкальной школы не одно десятилетие впоследствии ходили легенды о том, как занимался Штаркман. В годы войны трудно было всем, но условия жизни Штаркмана и на этом фоне выглядели очень тяжелыми. Не хватало элементарного – еды, одежды. И, тем не менее, он занимался так увлеченно и много, как, наверное, никто из его сверстников. Сам он объясняет свое отношение к занятиям в детстве и юности просто: “Я был очень старательным”.

Естественно, что в результате целеустремленных занятий Штаркман вскоре обратил на себя внимание крупнейших музыкантов, которых в годы войны на Урале было множество. В Свердловск были эвакуированы видные музыканты из Москвы, Ленинграда и других крупных музыкальных центров страны.

Военный период для развития музыкальной культуры и музыкального образования на Урале можно охарактеризовать поговоркой “не было бы счастья, да несчастье помогло”. В Уральской консерватории преподавали такие мастера, как Н.Н. Позняковская, Н.И. Голубовская, Б.С. Маранц, С.С. Бендицкий, а также Г.Г. Нейгауз. Всем им музыкальная культура Урала обязана мощным творческим импульсом, ощущающимся до сих пор.

С Нейгаузом приехали многие его ученики. Свердловские музыканты, учившиеся в годы войны, имели возможность посещать уроки замечательного мастера. Часто приезжал в Свердловск к своему учителю молодой, но уже прославленный Эмиль Гилельс. Концертная жизнь была насыщена и интересна. И на этом фоне юный Штаркман обратил на себя внимание. Г.Г. Нейгауз неоднократно слушал его.

“Я очень хотел учиться у Нейгауза, – вспоминает Наум Львович. – Я в Свердловске играл ему у него дома. Причем у него в это время сидел Гилельс, я играл сразу двоим и жутко волновался.

Нейгауз сказал, что возьмет меня, но тут обиделся Глезер. Он не хотел, чтобы я уходил от него к Нейгаузу в Свердловске”.

Ситуация сложилась столь же деликатная, сколь и распространенная применительно к одаренным ученикам. Рано или поздно большинству из них приходится покидать своего первого учителя, и многие предпочитают делать это рано. Штаркман не захотел сделать больно своему первому учителю даже ради того, чтобы учиться у почитаемого всеми Нейгауза. Этот штрих говорит о многом в человеческом облике пианиста.

Конечно, Глезер понимал, что вскоре ему придется все равно расстаться с любимым учеником; недаром он не хотел, чтобы Штаркман уходил от него “в Свердловске” – продолжать учебу талантливый юноша, по мнению свердловских музыкантов, должен был в Москве. Но почему же Штаркман и в Москве не стал учеником Нейгауза?

Из официальных биографий Г.Г. Нейгауза известно, что он находился в Свердловске в эвакуации. Гораздо реже можно встретить упоминание о действительных обстоятельствах, а именно о том, что он был в ссылке, и по своей воле покинуть Урал не мог. В 1944 году, когда Штаркман уезжал в Москву, было еще неизвестно, когда Нейгаузу разрешат вернуться в Московскую консерваторию и разрешат ли вообще. Штаркман запомнил слова Генриха Густавовича, сказанные ему в Свердловске: “Если я буду в Москве, то для Вас у меня будет место в классе. Но сейчас на меня не держите ориентир”.

В августе 1944 года в Москве, в зале Дома ученых, проходил заключительный тур смотра учащихся музыкальных учебных заведений. Наум Штаркман входил в состав свердловской делегации, которую возглавляла профессор Б.С. Маранц. Главной целью Штаркмана было даже не участие в смотре, а поступление в Московскую консерваторию, где как раз в это время шли приемные экзамены.

Здесь его ждало огромное разочарование: у него не приняли документы, мотивируя это тем, что в Свердловске есть своя консерватория, и ему следует поступать туда.

Грустный, Штаркман стоял в коридоре. К нему подошел немолодой мужчина и спросил:

– Что ты здесь делаешь?

– У меня не принимают документы, – ответил Штаркман.

– Ты можешь играть прямо сейчас?

– Могу.

Мужчина – это был декан фортепианного факультета В.В. Нечаев – повел Штаркмана в Малый зал, где в этот самый момент шли приемные экзамены. К счастью, так получилось, что кто-то из абитуриентов не пришел, и у приемной комиссии образовалось свободное время.

Штаркмана спросили, что он играет, он ответил: “Вторую сонату Прокофьева”. Его попросили сыграть вторую и третью части, и он огорчился, так как ему хотелось блеснуть вир-

туозностью в финале – четвертой части. Финал сыграть было просто необходимо! Он попросил на это разрешения. В комиссии засмеялись, но разрешили.

“Мне нечего было терять, и поэтому я согласился”, – вспоминал впоследствии Наум Львович историю своего поступления.

Штаркман получил на вступительном экзамене 5+, и только после этого у него приняли документы. Затем Берта Соломоновна Маранц отвела его к Константину Николаевичу Игумнову с просьбой послушать и, если возможно, взять в свой класс.

Игумнов жил в комнате в коммунальной квартире на Сивцевом Вражке. Комната была мрачной, с двумя зарешеченными окнами, на первом этаже двухэтажного дома. Там Игумнов прослушал Штаркмана; он не хвалил его, ничего не сказал, но в класс взял.

Так Наум Штаркман в неполные 17 лет оказался в классе одного из крупнейших музыкантов мира, соученика А.Н. Скрябина и С.В. Рахманинова, учившегося у С.И. Танеева, В.И. Сафонова и А.И. Зилоти, помнившего П.И. Чайковского и А.Г. Рубинштейна.

Авторитет Константина Николаевича и как музыканта, и как человека был необычайно высок. Его исполнительское искусство отличали содержательная глубина, звуковое мастерство, проистекавшее из душевных качеств музыканта, полное отсутствие чего-либо внешнего и поверхностного. На протяжении почти полувека преподавания в Московской консерватории Игумнов воспитал множество выдающихся музыкантов, среди которых – такие имена, как Н. Орлов, И. Добровейн, Л. Оборин, Я. Флиер, М. Гринберг, Я. Мильштейн, А. Бабаджанян и многие другие.

Штаркману довелось учиться у Игумнова три с половиной года. Последний урок состоялся 2 декабря 1947 г., а 24 марта 1948 г. Константина Николаевича не стало. Несмотря на такой относительно небольшой срок общения, влияние Игумнова на молодого музыканта было чрезвычайно велико и во многом определило в дальнейшем творческий облик Штаркмана.

Учиться у Игумнова было нелегко. Занятия чередовались следующим образом: один урок у Игумнова, один – у его ассистента Я.И. Мильштейна. Мильштейн, по воспоминаниям Наума Львовича, в основном его хвалил, говорил, что все в основном хорошо.

На этой же неделе Штаркман приходил к Игумнову, и все оказывалось не так. Профессор придирался буквально к каждой ноте. Занятия могли длиться порой по три часа. Но и сейчас, по прошествии более чем пятидесяти лет, Наум Львович помнит каждое слово Игумнова; эти три с половиной года он считает своей основной школой.

Первым, что сделал Константин Николаевич, было определение внутренних качеств Штаркмана-музыканта. В течение всех предшествующих лет юный пианист развивался в основном как виртуоз и исполнял соответствующий репертуар. В Киеве в предвоенные годы, когда он начинал учиться, очень ценилась яркая, броская игра, и его учили играть так же.

Штаркман, от природы обладавший сильным виртуозным дарованием, полюбил играть быстро, броско, блестяще; в Свердловске на многочисленных концертах, в которых он принимал участие, его “коронным” номером был вальс Гуно-Листа из оперы “Фауст”. “Я был очень доволен, что умею так быстро играть”, – с юмором вспоминает Наум Львович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.